

УДК 81'37
ББК 81.001.3

КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ МИМИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА

М.В. Милованова, Ю.Н. Куличенко

В статье предложен универсальный когнитивный сценарий проявления определенного эмоционального состояния субъекта. На основе сопоставления языковых средств репрезентации мимического проявления эмоций выявлены сходства и различия в русской и английской лингвокультурах.

Ключевые слова: *русский язык, английский язык, сопоставительный анализ, когнитивная лингвистика, когнитивный сценарий, мимика, эмоции.*

Современные лингвистические исследования во многом синкретичны, поскольку интегрируют знания, полученные из других научных сфер: психологии, культурологии, антропологии, социологии, литературоведения, философии, информационных технологий и т. д. Подобный синтез наук способствует комплексному изучению определенной проблемы с учетом разных аспектов ее осмысления.

Внутренний мир человека, его чувства, эмоциональные состояния и переживания изучают специалисты разных областей знания. При пересечении сфер их научных интересов формируются новые направления исследований, к которым относится, в частности, когнитивная лингвистика, появившаяся в результате взаимодействия когнитологии, психологии и лексической семантики.

В русле когнитивной лингвистики эмоции часто представляются как концепты, фреймы или сценарии.

Многие лингвисты описывают эмоции как концепты. Так, Е.Н. Винарская указывает, что интенсивные исследования, осуществляемые в последние десятилетия в русле когнитивной лингвистики, привели к тому, что языковые определения эмоций стали называть эмоциональными концептами [5, с. 12].

Наряду с понятием концепта в когнитивных исследованиях широко используется понятие фрейма [4; 7; 12], введенное в лингвистику Ч. Филлмором. Фрейм – это «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой “пакет” информации, знания о стереотипной ситуации» [4, с. 37]. В настоящее время в исследованиях как зарубежных, так и отечественных лингвистов фрейм трактуется весьма неоднозначно, что во многом обусловлено его сложной структурой. Как считает Н.В. Стренева, существующие определения фрейма не взаимоисключают, а дополняют друг друга, в качестве обобщения автор предлагает следующее: фрейм – это «способ структурирования содержания концептуального пространства человека, репрезентирующего знания о типизированных ситуациях» [15, с. 65].

Понятие «фрейм» тесно связано с понятием «сценарий». В частности, М. Минский классифицирует фреймы на статические и динамические (сценарии). Первые отражают некоторый предмет или статичное положение дел, а вторые – некоторое изменяющееся во времени событие (цит. по: [1, с. 43]).

В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий. В отличие от фрейма, который является структурой для декларативного представления зна-

ний о типизированной ситуации, сценарий представляет собой «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [3, с. 18]. Сценарии, или скрипты, трактуют как динамически представленный фрейм, как разворачиваемую во времени определенную последовательность этапов, эпизодов» [4, с. 37]. Модель сценария может также быть применима для репрезентации динамики концепта (см., например: [14]).

Сценарий как способ описания эмоций в их развитии используется в работах А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна, Н.Н. Болдырева и др. В частности, в исследованиях Ю.Д. Апресяна (см., например: [2]) развитие эмоций представлено в виде определенных фаз в сценарии.

В рамках изучения языковых средств выражения мимики эмоций мы предлагаем следующие основные этапы развития сценария (эпизоды): причина – внутреннее состояние – внешнее проявление. В большей степени нас интересует последний из названных эпизодов, так как именно внешнее (в частности, мимическое) проявление эмоции чрезвычайно важно в процессе коммуникации, является информативным для окружающих и позволяет «прочитать», как развивается весь невидимый для посторонних когнитивный сценарий. В связи с этим мы рассматриваем эпизод внешнего проявления эмоционального состояния наиболее подробно. Специфика его реализации зависит от конкретной эмоции. Внешние проявления эмоций весьма разнообразны, целью же нашего исследования является описание языковой репрезентации мимического выражения эмоционального состояния субъекта. Эпизод «внешнее проявление (мимика)» реализуется в виде последовательности скринов – статических состояний, фиксирующих отдельный элемент мимики (подробнее об этом см.: [11]).

С учетом исследований психологов и психолингвистов мы составили универсальный сценарий проявления определенного эмоционального состояния. Затем мы рассмотрели, как он реализуется в русском и английском коммуникативном поведении, и соответственно уточнили выстроенную схему по отношению к изучаемой лингвокультуре. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что данные психологов относительно внешних

проявлений внутреннего состояния находят лишь частичное подтверждение в анализируемом нами языковом материале: не все признаки, выделяемые учеными, являются релевантными в процессе коммуникации для представителей изучаемых лингвокультур. Анализ языковых средств описания мимики позволил выявить, какие именно аспекты реализации когнитивного сценария важны для носителей языка и ассоциируются в их сознании с определенным эмоциональным переживанием. Лексические средства выражения внешних проявлений внутреннего состояния в сравниваемых языках различны, их изучение необходимо для понимания национально-культурных особенностей невербальной коммуникации.

В науке существуют разные классификации невербальных компонентов коммуникации. И.Н. Горелов классифицирует их по физической природе: 1) фонационные; 2) мимико-жестовые и пантомимические; 3) смешанные (то есть включающие компоненты первых двух групп) [6, с. 75]. И.Н. Кузнецов выделяет следующие невербальные средства общения: мимику, визуальное взаимодействие (контакт глаз), пространственную и временную организацию общения, тактильную коммуникацию, жесты и пантомимику [10, с. 9]. Среди невербальных знаковых форм Г.Е. Крейдлин выделяет собственно жесты, выражения лица (мимика), позы, телодвижения и манеры (комплексные невербальные знаковые формы). Автор, в частности, подробно характеризует три основных семиотических класса кинем (жестов): эмблемы (симптоматические и коммуникативные); иллюстраторы и регуляторы [9, с. 43, 98–125]. Невербальные средства коммуникации (жесты, мимику, характерные позы участников дискурса) определяют также как паралингвистические знаки [8, с. 228].

В центре нашего внимания находятся исключительно мимические особенности выражения внутреннего состояния человека и его коммуникативных намерений. Мимика включает в себя любые изменения лица человека и является одним из важнейших компонентов коммуникации, поскольку, с одной стороны, позволяет понять внутреннее состояние человека, а с другой – выразить его мысли и чувства лучше невербальных средств, не только с точки зрения информативности, но и эмоциональности.

Универсальность лицевого выражения эмоций приводит к тому, что даже в неблизкородственных лингвокультурах существуют похожие соматические речения: сопоставляя русский и английский языки, можно обнаружить многие сходные явления в описании невербального коммуникативного поведения. Однако в мире существуют определенные нормы и стереотипы, которые диктуют правила поведения и выражения эмоций как вербальным, так и невербальным способом. Внешнее проявление эмоциональных состояний в некоторых культурах считается недопустимым, что приводит к сокрытию и подавлению эмоций. В ряде случаев человек пытается утаить свои истинные мысли и чувства или выдать одно эмоциональное состояние за другое, исходя из своих личных соображений и мотивов, преследуя определенные цели в конкретной ситуации. Учитывая данное обстоятельство, некоторые ученые включают мимику в состав симптоматических и коммуникативных жестов, в частности, А.В. Мишин признаком первых считает именно эмоцию, а не ее физиологическое проявление. Симптоматические жесты, по его мнению, не являются диалогическими, так как могут производиться не только в присутствии собеседника, но и когда человек остается один. В противоположность им коммуникативные жесты сознательны и ориентированы на собеседника. А.В. Мишин говорит также о возможности перехода симптоматических жестов в разряд коммуникативных, если человек их воспроизводит в диалоге «в той или иной степени намеренно для обозначения соответствующей эмоции, при этом либо вовсе не испытывая данной эмоции, либо испытывая ее в гораздо меньшей степени, чем та, о которой свидетельствует жест» [13, с. 8].

Таким образом, можно говорить об искренних, симптоматических мимических движениях, появившихся под влиянием эмоции и выражающих внутреннее состояние человека, и коммуникативных, ориентированных на собеседника. Последние выполняются сознательно и ориентированы на партнера по коммуникации. Это не исключает их искренности, но подразумевает, что они должны достичь определенной цели: подчеркнуть мысль говорящего, продемонстрировать его доброжелательность, искренность, заинтересован-

ность в собеседнике или скрыть свои истинные намерения, выдать одно эмоциональное состояние за другое. Коммуникативные жесты во многом обусловлены особенностями культуры той страны, к которой принадлежит говорящий, поэтому для достижения взаимопонимания с иностранцем нужно не только знать его язык, но и постичь особенности невербальных семиотических знаков.

На основе рассмотренных теоретических работ мы предлагаем следующую классификацию мимических проявлений.

I. Симптоматические (непроизвольные, рефлекторные).

1. Симптоматические мимические проявления, выражающие эмоции.

2. Симптоматические мимические проявления, выражающие различные физические ощущения, не связанные с эмоциональным восприятием (например, вызванные болью, холодом и т. д.).

II. Коммуникативные (произвольные, осознанные).

1. Собственно коммуникативные (информативные):

- а) эмблемы, заменяющие вербальное сообщение;
- б) иллюстраторы, дополняющие вербальное сообщение.

2. Этикетные.

Все элементы мимики важны для процесса коммуникации, так как обладают определенным «значением», которое можно понять, «прочитать» сообщение, ими передаваемое. При этом симптоматические мимические проявления отражают внутреннее состояние независимо от воли субъекта, в то время как коммуникативные являются осознанными и ориентированы прежде всего на партнера по коммуникации. Вторая группа более сложна по своей природе. Коммуникативные мимические проявления могут быть как искренними (подобно симптоматическим), так и нет. Они могут выражать определенное эмоциональное состояние, в котором находится субъект, и сообщать о нем собеседнику. Коммуникативные мимические проявления, как правило, более продолжительны по сравнению с симптоматическими, поскольку должны быть замечены адресатом невербального сообщения.

Симптоматические мимические проявления, воспринимаемые представителями одной лингвокультуры как типичные маркеры определенного эмоционального состояния, часто становятся коммуникативными, то есть переходят в разряд эмблем, свидетельствующих о внутреннем состоянии субъекта без вербального сопровождения. В процессе общения нередко возникают ситуации, когда субъект намеренно использует подобные эмблемы, чтобы ввести партнеров по коммуникации в заблуждение относительно эмоционального состояния, в котором он находится.

Изучение эмоциональных состояний человека многоаспектно и ведется уже не одно десятилетие. Первенство в этой сфере принадлежало психологам, но в последнее время лингвисты также обратили на нее пристальное внимание, о чем свидетельствует появление новой науки – эмотиологии, которую определяют как науку о вербализации, выражении и коммуникации эмоций [16, с. 20]. Несмотря на актуальность данного направления, до сих пор не достигнуто единство мнений относительно вопроса о том, что считать основными (базовыми, фундаментальными) эмоциями.

В качестве базовых эмоциональных состояний, имеющих специфику мимического проявления, мы рассматриваем следующие: гнев, страх, смущение, стыд, презрение, отвращение, печаль, удивление, интерес и радость. В анализируемом нами языковом материале частотны и разнообразны лексические средства описания указанных внутренних состояний, что позволяет говорить об их значимости для русской и английской лингвокультур.

Согласно традиции мы разделяем данные эмоции на положительные и отрицательные (позитивные и негативные), но считаем более соответствующими цели нашего исследования термины *конструктивные / деструктивные эмоциональные состояния*. К первой группе относятся удивление, интерес и радость, а ко второй – гнев, страх, смущение, стыд, презрение, отвращение и печаль. Критерием подобного разделения мы признаем не только внутреннее переживание эмоции субъектом, но и воздействие на собеседника, то есть коммуникативную функцию мимического проявления определенного эмоционального состояния. К деструктивным эмоциям психологи относят

те, которые приносят вред самому субъекту или другим людям [17, с. 87–118].

В результате сопоставления когнитивных сценариев деструктивных эмоциональных состояний становится очевидным, что для английской лингвокультуры более релевантным оказывается презрение. Данный сценарий реализуется в эпизодах: причина – внутреннее проявление – внешнее проявление (мимика). При этом эпизод «мимика» характеризуется разнообразием скринов: 1) презрительный взгляд; 2) презрительно-насмешливый взгляд; 3) приподнятые брови; 4) прищуренные глаза; 5) улыбка / усмешка; 6) искривление губ. Значимость эмоционального состояния презрения в английской лингвокультуре подтверждает также тот факт, что в английском языке оно выражено тремя лексемами – *contempt*, *scorn* и *disdain*, производные которых (*contemptuous*, *scornful*, *disdainful*) широко используются для описания мимики. Наиболее значимыми компонентами мимики презрения в русском и английском коммуникативном поведении являются взгляд и улыбка (*взглянул с презрением, холодный и презрительный взгляд, eyes were cool with contempt, scornful look / glance, презрительно улыбнулся / усмехнулся, smiled scornfully* и т. д.). При этом в английском языке, вследствие более дифференцированного обозначения эмоционального состояния презрения, возможно описание взгляда не только как презрительного (*contemptuous / disdainful look*), но и как презрительно-насмешливого (*scornful look*).

Для русской лингвокультуры более релевантными являются эмоции смущения и стыда, связанные с определенными нравственными и этическими категориями. Возможно, это обусловлено тем, что для английской культуры характерен индивидуализм и некоторая отчужденность, в то время как в русской «коллективной» культуре поведение регламентируется этическими принципами, ориентированными на достижение гармонии в обществе, их нарушение приводит к диссонансу и вызывает деструктивные эмоциональные состояния смущения и стыда. Наиболее распространенным способом вербализации внешнего проявления смущения и стыда является описание покраснения лица. Русские глаголы становления и проявления колоративного признака, служащие для характеристики

данного аспекта мимики (*краснеть, розоветь, алеть, багроветь, румяниться, пунцоветь*), различаются прежде всего оттенками цвета, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с силой переживаемого эмоционального состояния, в то время как в синонимическом ряду английских глаголов (*redden, blush, flush, colour*) практически не происходит дифференциации по данному параметру. При этом глагол *краснеть*, являющийся доминантой синонимического ряда, обладает более широкими сочетаемостными возможностями по сравнению со своим английским эквивалентом *redden*, о чем свидетельствуют многочисленные сравнительные обороты с ним, способствующие более экспрессивному описанию внешнего проявления внутреннего состояния субъекта (*краснеть как мак, пион, помидор, свекла, кумач* и т. д.).

Конструктивные эмоциональные состояния менее вербализованы в обоих языках, но при этом в русском языке представлен довольно широкий спектр интенсивности проявления радости, что не характерно для английского коммуникативного поведения и приводит к ограниченному набору средств описания данного состояния. Так, лексема *улыбка* обладает более широкими сочетаемостными возможностями по сравнению с ее английским эквивалентом *smile*. Лексикографические источники приводят список имен прилагательных и причастий, способных выступать в роли определения к слову *улыбка*: *радостная, счастливая, веселая, обворожительная, обаятельная, очаровательная, ослепительная, сияющая, блаженная, приветливая, привлекательная, приятная, ласковая, застенчивая, кроткая, добрая, открытая, широкая, благодарная, довольная, кокетливая, загадочная, детская, наивная, располагающая* (УСС, с. 619). Анализ языкового материала показал, что данный перечень можно дополнить другими примерами. Улыбка может быть *светлой, доверчивой, молчаливой, шутиливой, беззаботной, неизменной, неизменяющейся, жизнерадостной, невольной, притворной, молодой, неожиданно-добрый, сдержанной, восторженной, тонкой, слабой, нежной, легкой, спокойной* и т. д. Сочетаемостные возможности лексемы *smile*, как и у ее русского эквивалента, довольно широки, но все же менее разнообразны:

cheery, joyful, cheerful, bright, sunny, broad, wide, faint, thin, weak, cheerful, happy, radiant, sunny, warm, charming, gentle, sweet, disarming, encouraging, polite (OCD, p. 723). Этими прилагательными не исчерпывается список определений, но они являются наиболее распространенными средствами характеристики рассматриваемой лексемы. При этом отмечается не только заметное преобладание в русском языке имен прилагательных, характеризующих улыбку, но и глаголов с положительной коннотацией (*появляться, освещать, вызывать, встречать, светиться, озаряться, улыбаться, сиять* и т. д.). Англичане более сдержанно проявляют свои эмоции, чем русские, поэтому и набор языковых средств, служащих для описания внешнего проявления состояния радости, более ограничен.

В английской лингвокультуре релевантным оказывается проявление удивления, которое является одним из универсальных эмоциональных состояний, испытываемых человеком, поэтому его мимическое выражение у русских и англичан обладает схожим набором признаков (скринов в рамках когнитивного сценария): особый взгляд и выражение лица, широко открытые глаза (и рот), поднятые брови и т. д. Репрезентация подобных внешних проявлений в сопоставляемых языках характеризуется разнообразием. Прежде всего это глаголы разных ЛСГ с преобладанием глаголов зрительного восприятия (*глядеть, смотреть, уставиться, look, stare, gaze* и др.), различающиеся своей семантической структурой и стилистической окраской. Для описания мимики удивления также используется не имеющий русского эквивалента английский глагол *gape* в узком значении «смотреть на кого-л. с открытым ртом, будучи удивленным»: *She gaped at him, her little button eyes nearly bursting from her head* (A.J. Cronin).

Итак, использование структуры когнитивного сценария позволило продемонстрировать национально-культурные различия в проявлении определенного эмоционального состояния. Модель «идеального» сценария реконструирована на основе теоретических исследований специалистов в данной области и показывает универсальность проявления базовых эмоциональных состояний. Однако только анализ языкового материала, его представленность дали

возможность определить релевантность мимического проявления разных эмоциональных состояний для определенной лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, В. Е. Фразеология в свете когнитивной семантики / В. Е. Абрамов, В. М. Савицкий. – Самара : АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2007. – 174 с.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. – 767 с.
3. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
4. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 123 с.
5. Винарская, Е. Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов / Е. Н. Винарская // Вестн. ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2001. – № 2. – С. 12–16.
6. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М. : ЛКИ, 2009. – 112 с.
7. Карасик, В. И. Культурогенные концепты / В. И. Карасик // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. : в 3 ч. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – Ч. 1. – С. 24–28.
8. Кириллова, И. К. Репрезентация невербальных знаков в университетском дискурсе / И. К. Кириллова // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 228–231.
9. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 592 с.

10. Кузнецов, И. Н. Язык мимики и жестов / И. Н. Кузнецов, А. А. Масалов. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 251 с.

11. Куличенко, Ю. Н. Когнитивный сценарий «Гнев» в русской и английской лингвокультурах / Ю. Н. Куличенко // Известия Юж. федер. ун-та. Сер. «Филол. науки». – 2011. – № 1. – С. 134–140.

12. Милованова, М. В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении / М. В. Милованова. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2007. – 405 с.

13. Мишин, А. В. Невербальные средства коммуникации и их функционирование в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мишин Алексей Викторович. – М., 2005. – 16 с.

14. Огнева, Е. А. Сценарий как способ репрезентации динамики концепта / Е. А. Огнева // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филол. науки». – 2010. – № 5 (49). – С. 7–11.

15. Стренева, Н. В. Понятийный потенциал термина «фрейм» / Н. В. Стренева // Вестн. ОГУ. – 2009. – № 11 (105). – С. 60–65.

16. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

17. Goleman, D. Destructive Emotions: How Can We Overcome Them? / D. Goleman. – N. Y. : Bantam Books, 2003. – 432 p.

СЛОВАРИ

УСС – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Русский язык, 1978. – 688 с.

OCD – Oxford Collocations Dictionary for Students of English. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. – 897 p.

COGNITIVE SCRIPT AS A DESCRIPTION METHOD OF FACIAL EXPRESSION OF EMOTIONAL STATE

M. V. Milovanova, Yu. N. Kulichenko

The universal cognitive script of emotional state development is considered in this article. By comparison of language means describing facial expressions of emotions, some similarities and differences between Russian and English lingvocultures have been found out.

Key words: the Russian language, the English language, comparative analysis, cognitive linguistics, cognitive script, facial expression, emotions.